

11 34

557

TARTU ÜLIKOOLI
VENE KIRJANDUSE KATEEDER

КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

П34
557

Вул.15
2000

БЛОКОВСКИЙ СБОРНИК
XV

РУССКИЙ СИМВОЛИЗМ
В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ
РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

TARTU ÜLIKOOLI
KIRJASTUS

К ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА И ФЕДОРА СОЛОГУБА (Введение к теме)

АЛЛА ГРАЧЕВА

Цель настоящего сообщения — пунктирно наметить этапы взаимоотношений Федора Сологуба и Алексея Ремизова, причем акцент будет сделан: во-первых, на психологической стороне этих отношений, во-вторых, на представлении о Сологубе в сознании и творческой практике Ремизова, намного пережившего своего собрата по перу. Это «введение к теме» предваряет готовящуюся к публикации переписку Ремизова и Сологуба, основная часть которой сохранилась в личных архивах писателей в Пушкинском Доме и Российской национальной библиотеке.

Знакомство Ф. Сологуба с А. Ремизовым состоялось в 1905 г., когда последний переехал в Петербург, стал служить в редакции журнала «Вопросы жизни» и вошел в литературный круг петербургских символистов. Говоря о психологической подоснове взаимоотношений обоих писателей, изначально необходимо учитывать одно обстоятельство.

В 1905 г. на страницах журнала «Вопросы жизни» одновременно появились два романа — «Мелкий бес» Сологуба и «Пруд» Ремизова. Оба произведения были реализацией эстетических принципов символистской прозы. Частично были сходны и их символические образы, в которых авторы сконцентрировали свои представления об инфернальной и иррациональной подоснове мирового бытия. Определенным коррелятом образа знаменитой сологубовской «недотыкомки» был ремизовский образ столь же неясной «плямки», являющейся главному герою в роковые моменты его жизни. Как уже было сказано, по своей эстетической природе оба романа бы-

ли явлениями одного типологического ряда. Однако по художественной форме произведение Сологуба намного превосходило творение Ремизова, которому, тем не менее, сам автор придавал особую значимость, до конца дней считая его одним из своих важнейших произведений. Закономерно, что «Мелкий бес» фактически заслонил ремизовский роман и для читателей, и для критиков. Как неоднократно, говоря о себе, отмечал сам Ремизов, он не высказывал обиды, но обижался. В связи с этим нетрудно предположить, что в его отношении к Сологубу изначально присутствовало потаенное и подавленное недоброежелательство.

Психологическому сближению обоих писателей способствовала сестра Сологуба — Ольга Кузьминична, которую Ремизов и его жена любили и жалели. Ремизовы неоднократно бывали на воскресных вечерах Сологуба. Об этом свидетельствуют хранящиеся в архиве ИРЛИ сологубовские записи о посещении его дома разными лицами. Так, эти тетради фиксируют довольно частые и регулярные присутствия Ремизовых на сологубовских журфиксах. Например, приведем подобные сведения из тетради записей от 1906—1907 гг.: 5 ноября — «Ремизовы были»¹, 21 января — «Читали Блок Городецкий Потемкин — стихи // Ремизов: Илья пророк // Я: царица поцелуев» и т.д. В эти годы Ремизовы бывали у Сологуба почти на каждом вечере. Об искреннем интересе к молодому писателю свидетельствует, к примеру, письмо Сологуба от 10 февраля 1906 г.: «Многоуважаемый Алексей Михайлович, // В это воскресенье я прочту последние главы «Мелкого беса». Вы обещали прочесть у меня Ваш рассказ. Буду рад, если Серафима Павловна и Вы пожелаете к нам, и если Вы обещанный рассказ принесете»². На это послание Ремизов ответил 11 февраля: «Я очень благодарен за Ваше приглашение. Читать рассказ отказываюсь, после Вас жутко и перед Вашими гостями стыдно»³. Однако книги записей Сологуба свидетельствуют, что Ремизов все-таки участвовал в авторских чтениях, и, в частности, исполнял легенды из «Лимонаря».

С 1905 г. между Ремизовым и Сологубом началась переписка, первоначально достаточно частая и теплая по тону. Так, например, Сологуб заканчивал одно из писем 1905 г. пожеланием: «Поклон и привет многоуважаемой Серафиме Павловне. Не забывайте, пожалуйста, нас, бывайте у нас почаще. Воскресенье — помните»⁴. В свою очередь, полны доброжелательства и письма Ремизова, например, его декабрьское послание 1905 г.: «Поздравляем Вас и Ольгу Кузьминичну с Рождеством и Новым Годом <...> Всего Вам хорошего // Серафима Павловна кланяется»⁵.

Конец 1900-х гг. — период интенсивной литературной учебы Ремизова, в том числе, и у Ф. Сологуба. В частности, финал его наиболее скандально знаменитой легенды 1906 г. из сборника «Лимонарь» — легенды о невоскресшем Христе «О страстях Господних. Трнадцатидневен во гробе» имеет черты, явно восходящие к тематике и поэтике Ф. Сологуба. Речь идет о сологубовской поэтизации Смерти. Таков, например, был первоначальный, возмутивший Вяч. Иванова, финал ремизовской легенды: «И по безлюдью с пустынной Голгофы от Креста разносился по миру плач Богородицы... А рядом с Богородицей на Палач-горе Голгофской, поклонив ко Кресту голову — молодая жена, и до рассвета третьего дня, как встать заре и взойти воскресшему солнцу, Она не отходила от Креста — неутолимая Смерть прекрасная. // — Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Твое!»⁶.

Сологуб высоко оценил сказочный цикл Ремизова «Посолонь». Одним из свидетельств этого является его дружеское письмо от 27 мая 1906 г., которое литератор послал, направляясь с сестрой на лечение. Фактически, это письмо — прямая стилизация ремизовских «посолонных» текстов: «Дорогой Алексей Михайлович, // И мы Кострому видели. Плыдем на пароходе по Волге, видим — Кострома на берегу. Что за Кострома? Посмотрим. Причалили. Слезли. Стучимся. // — Стук, стук! // — Кто тут? // — Кострома дома? // — Дома. // — Что делает? // — Спит. // Дело было утром. Ну, спит, не спит, сели на извозчика, поехали. Спит Кострома. А у Костромушки на

широком брюхе, на самой середке, на каменном пупе, стоит зеленый Сусанин. сам весь медный, сам с усами, на царя Богу молится, очень усердно. Мы туда, сюда, спит Кострома, сладко дремлет на солнышке. // Однако пошарили, нашли ватрушек. Хорошие ватрушки. Ничего, никто и слова не сказал. Видим, — нечего бояться Костромского губернатора, — он не такой, не тронет. Влезли опять на пароход, поехали. Проснулась Кострома, всполошилась. // — Кто тут был? // Кто тут был, того и след простыл, Костромушка. <...> А так как Кострома, вместе с подобными прелестями по Вашей части, то и надо было Вам поскорее рассказать, как мы Кострому видели <...> от сестры и от меня Серафиме Павловне и Вам поклон и сердечный привет»⁷.

Период тесных «семейных» контактов, как и в случае знакомства Ремизова с Вяч. Ивановым, закончился после смерти «женского начала» этого дружеского союза. В 1907 г. умерла Ольга Кузьминична. Она, как и Лидия Зиновьева-Аннибал, была тем «человеческим звеном», которое связывало обоих писателей. Иными, более деловыми и более отдаленными стали их отношения с 1908 г., после союза Сологуба с Анастасией Чеботаревской. Любопытно, что сохранившиеся в архиве Сологуба ремизовские письма начинаются с текста, датированного 25 октября 1905 г. — текста следующего содержания: «Посылаю рецензию на “Вопросы жизни” Анастасии Николаевны Чеботаревской. Вы ее встречали у Вячеслава Иванова: такая прихрамывающая с ехидничающим смешком»⁸. Как видно из письма, Ремизов изначально отрицательно воспринял Чеботаревскую, не признав за ней ни женских чар, ни критического таланта. О последнем говорит его откровенно ироническое отношение к ее проекту 1907 г. создать сборник «Краткие автобиографические данные русских писателей за последнее 25-летие русской литературы». На просьбу Чеботаревской Ремизов откликнулся откровенно ироничной автобиографией, в которой, в частности, писал: «Особенного — выдающегося в жизни моей не случилось: на войне не сражался и ранен не был. Хотел быть кавалергардом, разбойником и учителем чис-

тописания. <...> Вот и все. Всего Вам хорошего, Анастасия Николаевна»⁹.

Кульминацией в расхождении Ремизова и Сологуба стало известное «судное дело об обезьяньем хвосте» 1911 г. Тогда именно Чеботаревская раздула скандал в связи с хвостом, отрезанным А. Толстым от принадлежавшей ей обезьяньей шкуры и одетом Ремизовым на новогоднем маскараде. Эта ситуация была подробно проанализирована в статье Е. Р. Обатниной «От маскарада к третейскому суду»¹⁰. В связи с интересующей нас проблемой динамики взаимоотношений Ремизова и Сологуба можно сказать, что ни тот, ни другой с нравственной стороны не были удовлетворены постановлением примирившего их «третейского суда». В этом деле четко проявилось психологическое расхождение писателей. Сологуб 1911 г. был уже бесконечно далек от Сологуба 1906 г., способного, как свидетельствует приведенное выше письмо о Костроме, войти в волшебный мир Ремизова и понять условия и природу его игры. Ремизов 1911 г. уже не видел рядом с Сологубом его большой «крестовой сестры», благодаря которой он многое прощал ее брату, а лицезрел вместо нее новую спутницу жизни писателя — претенциозную «литературную даму». Они продолжали встречаться, переписываться, но переписка была уже лишена теплоты, носила деловой характер. Так, например, в 1915 г. Ремизов и Сологуб интенсивно обменивались письмами по поводу планировавшегося поэтом Ив. Рукавишниковым альманаха «Луна».

Оживление отношений Ремизова и Сологуба произошло после Октябрьского переворота 1917 г., когда обоих писателей объединило отрицательное отношение к новому режиму. Так, 25 ноября 1917 г. Сологуб обратился к Ремизову с просьбой принять участие в общественно-значимом проекте: «Городское самоуправление составляет Памятку, состоящую из кратких статей и стихотворений, посвященных целостности и неприкосновенности Учредительного собрания, в виду угрозы разгона его или ареста части его членов. // Очень прошу Вас прислать статью строк до 50-ти или небольшое стихотворение

для этой цели»¹¹. Ремизов откликнулся, прислав притчу «Дела человеческие»¹².

Общественная позиция Ремизова по отношению к революции была выражена в его «Слове о гибели Русской земли» (1917). Сологуб по достоинству оценил этот текст, сразу же вычленив его актуальное, «пропагандистское» значение. Об этом свидетельствует его письмо Ремизову от 9 декабря 1917 г.: «Дорогой Алексей Михайлович, В будущую субботу устраивается Вечер Поэтов с целью собрать средства для организационных расходов по устройству общедоступных бесед по искусству. Очень прошу Вас принять участие, прочесть Ваше Слово о гибели земли русской [первоначальное название ремизовского произведения. — А. Г.]. Если сами Вы не сможете прочесть, то будьте добры прислать мне рукопись, мы поручим кому-нибудь ее прочесть. Очень обяжете»¹³. В тот же день Ремизов откликнулся: «Дорогой Федор Кузьмич! Мне-то самому никак невозможно читать: очень я и ослаб, и воли боюсь — вышел вчера бумаги купить на угол и целую ночь кашлял. Посылаю Вам напечатанный экземпляр Воли Народа. Очень прошу Вас, скажите тому человеку, который читать будет, чтобы со мной повидался, к нам бы пришел. Я послушал бы чтение. Сами знаете, по-русски читать не умеют». История со «Словом о гибели» Ремизова имела продолжение. Когда оно вторично было опубликовано во 2-ом сборнике «Скифы» и критик Иванов-Разумник сопроводил публикацию негативной статьей¹⁴, то в числе «защитников Ремизова» была и Чеботаревская. В письме к Ремизову 1917 г. она отмечала: «Не могу Вам не написать по поводу Вашего "Слова", которое волнует и трогает нас чрезвычайно. Ф. К. читал его дома у нас в небольшой кампании 3 раза и всем понравилось очень; на вечере по-моему не так выгодно впечатление, т.к. народу слишком много и разного. Я мечтаю что надо издать эту вещь и раздавать всем и каждому. Как молитву — каждому солдату, каждому крестьянину: к сожалению, как и раньше, так и теперь в особенности, все нужное оказывается ненужным в России — все мерзкое и бесчестное — на

поверхности. Будем ждать лучших времен, если таковые наступят когда-либо»¹⁵. Чеботаревская выступила и с печатным откликом на рецензию Иванова-Разумника. Ее рецензия была озаглавлена «Стрельба по своим», в ней критик возмущалась невозбранностью «общественному критику Разумнику Иванову клеветать на безответного сказочника Ремизова, оплакивающего на своем языке, своими словами и образами, гибель русской земли»¹⁶.

В январе 1918 г. газета «Вечерний час» объявила о проведении среди писателей анкеты, посвященной большевистскому декрету об отмене авторского права. В письме Сологубу от 1 января 1918 г. Ремизов сообщал: «Звонил Пильский написать ему для Вечернего Часа о декрете, уничтож<ившем> автор<кое> право // Я написал, написал и сосед наш Пришвин. <...> Пильский сказал мне, что с Вами разговаривал о этой анкете. <...> Завтра 1/2 9-го утра пришлет Пильский ко Пришвину за рукописями // Если у Вас готова, пришлите к Пришвину»¹⁷.

Во 2-м номере газеты «Новый Вечерний час» (1918. 3 янв.) среди откликов писателей и журналистов было приведено и краткое высказывание Сологуба, отметившего, что это постановление «несправедливо и нецелесообразно». В архиве Сологуба сохранилась авторизованная машинопись развернутого ответа Сологуба, озаглавленного «Опрос писателей. Ответ на анкету о лишении авт<орских> прав»:

«Комиссар по просвещению г. Луначарский, кажется, так долго вел жизнь заграничного рантьеера, что утратил всякое представление о быте интеллигентного пролетария, каковым, разумеется, является всякий профессиональный писатель у нас на Руси. Наши современники уверяют, что они краснеют, узнавая теперь из писем Некрасова, Гоголя или Достоевского, как эти великаны мысли и таланта бились из-за ничтожных получек и буквально нищенствовали в иные моменты своей жизни. Но почему эти же наши современники не возопят, что под видом “социализации авторских прав” совершается невежественными демагогами, всячески подольщающимися к тол-

пе, грубейшее покушение на трудовые гроши работников мысли и самое циничное издевательство над правами личности, о которых при случае не прочь пролить слезу гуманнейший г. Луначарский? Есть люди, — и писатели русские из их числа, — которые по своей душевной структуре ни в каких условиях не согласятся прибегнуть к помощи “общественного призрения на случай старости, болезни и безработицы”, и это следовало бы помнить господам, стремящимся отнять у человека единственное, на что они, казалось бы, посягнуть не смеют: право на талант, мысль и индивидуальность. Разумеется, декрет об авторском праве — такая же “поденка”, как и прочие произведения гг. комиссаров. Но отвратительно, что они и в этом случае не останавливаются перед искажением истины, внушая темным массам лживое представление о “буржуях-писателях”, купающихся в золоте, тогда как положение писателя в России всегда было, есть да и, по-видимому, и впредь будет одним из самых бедственных, и гонимых. Достаточно сказать, что за лист перевода и библиографии до сих пор работники пера получают 40 и 80 р<ублей>, тогда как наборщик за набор того же листа получает уже свыше 400 рублей!»¹⁸.

Ремизов откликнулся на просьбу Пильского текстом «Вонючая, торжествующая обезьяна...». Оба отклика не были помещены в «Новом Вечернем часе». С 11 января выход газеты был прекращен, а до того, 6 января, редакционное помещение подверглось разгрому, в процессе которого были сожжены находившиеся там рукописи¹⁹. Ремизовский отклик сохранился в двух рукописных экземплярах. Один из них был вывезен писателем за границу (ныне хранится в архиве А. Ремизова и С. Ремизовой в Центре русской культуры Амхерст-Колледжа, США) и был опубликован в 1994 г.²⁰ Другой экземпляр остался в архиве Ремизова, сданном в Дом Литераторов и позднее оказавшегося в РО ИРЛИ (Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 1–2), и был опубликован в 1995 г.²¹

Единые действия в защиту общих интересов и совместное участие в изданиях, легально оппозиционных большевикам,

были последними творческими контактами обоих писателей. Личная переписка Ремизова и Сологуба обрывается на деловом письме Ремизова от 15 мая 1918 г.²² Последним документальным свидетельством их «реальных» взаимоотношений является Обезьянья Грамота Ремизова от 17 января 1919 г., возводящая Сологуба в кавалеры Обезьяньей Великой и Вольной Палаты (РО ИРЛИ). Поскольку тогда эта Палата являлась особой формой оппозиции существующей власти, то в контексте общественной позиции Сологуба введение его в члены этой «тайной организации» было закономерным.

В дальнейшем житейские пути обоих писателей разошлись. 7 августа 1921 г. Ремизов уехал из России, подобный же отъезд Сологуба, как известно, не состоялся. Ремизов надолго пережил своего старшего собрата. Характерно, что с течением времени в его сознании и художественном творчестве реальная история его взаимоотношений с Сологубом трансформировалась в устойчивую легенду. Сохранившиеся в разных текстах воспоминания Ремизова о Сологубе всецело обусловлены подсознательным. Тому можно привести многочисленные примеры. Так, в дневниковой записи от 18 сентября 1957 г. — записи, фактически продиктованной полуслепым писателем, говорилось: «Что-то во мне других возмущает. Однажды, не помню у кого за обедом мы оказались соседями с Ф. К. Сологубом. Помню, я был в таком своем веселом расположении. Ф. К. Сологуб, не обращавший внимания на соседство со мной, вдруг отчетливо повернулся ко мне, как к провинившемуся школьнику (Ф. К. Сологуб был преподавателем городского училища). С нескрываемым раздражением спросил: — Почему вы все врете? — И я, словно разбуженный, растерянно смотрел, ничего не отвечая. И что я мог ответить?»²³. Подобное «воспоминание» понятно в контексте истории 1911 г. — неоднократных извинений Ремизова перед Сологубом и Чеботаревской по поводу использованного на маскараде хвоста. Вспомним, к примеру, его тогдашнее письмо Чеботаревской от 9 (22) января 1911 г.: «Многоуважаемая Анастасия Николаевна! <...> Понимаю, понимаю, как может озлить человека

такое дело. Мне очень грустно одно, как это Вы могли поверить, что я мог заниматься таким... ну, хулиганством...»²⁴.

Наиболее резкий и, в то же время, парадоксальный характер имеет одна из позднейших ремизовских характеристик Сологуба, данная им в письме проф. Юрию Иваску от 26 декабря 1954 г.: «О Федоре Кузьмиче Сологубе. Настоящая его — Тетерников. Мать — “одной прислугой” (и кухарка, и горничная). Отец — портной. Детство провел на кухне. Забыл, где-то под Петербургом, в Парголово учился в Учительской семинарии. Учитель в Городском училище в Петербурге, впоследствии инспектор. Суровый, дети не любили его, да и он эту породу не любил. Знаю с 1905 г. “Мелкий бес” в “Вопросах жизни” одновременно с моим “Прудом”. Под серыми моржовыми усами пробой без двух передних зубов, над моржом брови. Стиль мерзейший слащав. Должно быть такое слышал из кухни и вошло как что-то изысканное. С 1907 г. кавалер обезьяньего знака»²⁵. Как видим, в этой ремизовской «воспоминательной» характеристике своих соприкосновений с Сологубом «реальный» факт параллельной публикации двух романов сосуществует с фантастическим перенесением даты вступления Сологуба в Обезвельволпал с 1919 на 1907 г. Представляется, что эта характеристика — результат сублимации памяти писателя о наиболее важных периодах многолетних отношений с Сологубом. Это — воспоминания Ремизова о своей первой литературной неудаче, когда «Мелкий бес» «заслонил» его «Пруд», и о моментах духовной общности с Сологубом, когда тот и в середине 900-х, и в годы Второй русской революции был своим в обезьяньем зазеркалье Алексея Ремизова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 53 об., 59.

² РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 206. Л. 6.

³ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 580. Л. 1.

⁴ РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 206. Л. 2.

- ⁵ РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 410. Л. 2 об.
- ⁶ Ремизов А. Лимонарь. СПб., 1907. С. 105–106.
- ⁷ ГЛМ. Ф. 19. ОФ. 3488. Л. 1–2 об.
- ⁸ РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 410. Л. 1.
- ⁹ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 230. Л. 1–2.
- ¹⁰ Лица. Биографический альманах. СПб.; М., 1993. Вып. 3. С. 448–465.
- ¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 251. Л. 3.
- ¹² См. письмо Ремизова Сологубу от 25 ноября 1917 г. (РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 580. Л. 19).
- ¹³ РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 251. Л. 4.
- ¹⁴ См.: Грачева А. М. «Слово о гибели русской земли» и его критик Р. В. Иванов-Разумник // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1998. Вып. 2. С. 195–207.
- ¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 225. Л. 2.
- ¹⁶ Новый вечерний час. 1918. № 3. 4 янв. С. 2.
- ¹⁷ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 580. Л. 24.
- ¹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 573. Л. 1–2.
- ¹⁹ См. в последнем, 5-м, номере газеты от 11 января 1918 г. заметку «Разгром редакции “Нового вечернего часа”».
- ²⁰ См.: Алексей Ремизов. Дневник 1917–1921. Подг. текста А. М. Грачевой и Е. Д. Резникова. Вступ. зам. и коммент. А. М. Грачевой // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 16. С. 512; 529.
- ²¹ Ремизов А. Вонючая, торжествующая обезьяна... Публ., вступ. зам. и коммент. Е. Р. Обатниной // Новое литературное обозрение, 1995. № 11. С. 143–145.
- ²² РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 580. Л. 25.
- ²³ Цит. по кн.: Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Paris, [1959]. С. 323–324.
- ²⁴ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 230. Л. 22.
- ²⁵ РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4. Ед. хр. 34.